

891.71(09)

х.23

34 891.709:92/082/Хз
ПР. 1937.

Харьковскій Университетскій Сборникъ

ВЪ ПАМЯТЬ

В. А. Жуковскаго

— И —

933/45-42
✓
✓
Н. В. Гоголя.

57 58 08
ХАРЬКОВЪ.

Типо-Литографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Клочковская, № 5-й.

1903.

На основаніи ст. 41, § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. выпустить въ свѣтъ разрѣшаю.

27-го Февраля 1903 года.

Ректоръ Университета *Н. Куплеваскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН
Памяти Гоголя, стих. П. А. Тулуба	1—4
✓ ^{2 кав.} В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь, Н. Θ. Сумцова	5—152
✓ Взгляды В. А. Жуковского на поэзію, С. В. Соловьева	150а—162
✓ Пушкинскіе принципы въ творествѣ Гоголя, В. И. Харціева	163—170
✓ Н. В. Гоголь, какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности, М. Е. Халанскаго	176—186

Памяти Гоголя.

Ты былъ великъ своей душою,
Огонь любви въ тебѣ горѣлъ;
Какъ гражданинъ, ты надъ судьбою
Отчизны-матери скорбѣлъ;
Ты жаждалъ ей не рабской доли
И съ грустью видѣлъ, какъ кругомъ
Томилась Русь въ цѣпяхъ неволи,
Какъ спалъ твой край могильнымъ сномъ;
Какъ никли въ трепетѣ селенья,
Молчали робко города,
И лишь насилье, да хищенье
Не знали страха и стыда.

Казалось—жизнь навѣкъ почилъ,
И дня, и солнца ужъ не жди...
Но тщетно ночь огонь гасила
Въ твоей пылающей груди.
Какъ древнѣй витязь, ты воспрянулъ,
Ты мощь въ душѣ своей нашель,
И въ даль отважнымъ окомъ глянулъ,
И смѣло въ честный бой пошелъ.

И бой былъ страненъ,—ты смѣялся...
И смѣхъ твой страстно льнулъ къ сердцамъ;
Онъ мощнымъ звукомъ разливался
По русскимъ дремлющимъ угламъ!
Онъ имъ твердилъ о чемъ-то новомъ,
Ихъ къ свѣту звалъ изъ царства тьмы..
Но не легко и страстнымъ словомъ
Зажечь привыкшіе къ оковамъ,
Во тьмѣ застывшіе умы.
И былъ не понять смѣхъ твой дивный,

Твой страстный вопль, твой клич призывный...
Не понять былъ и осуждёнъ...
Вражда росла со всѣхъ сторонъ...
Темнѣла ночь, тѣснились тучи...
И плакалъ ты тогда въ тиши,
Сквозь смѣхъ рыдалъ, и были жгучи
Тѣ слезы любящей души.

Порой отъ золь и бѣдъ отчизны
Ты къ старинѣ уйти былъ радъ
И въ прошлыхъ дняхъ казачьей жизни
Искалъ душѣ своей отрадъ.
Казачій быть, казачьи войны...
Пусть грубъ и дикъ тогда былъ вѣкъ,
Но чувства тамъ такъ были знойны,
Такъ гордъ и смѣлъ былъ человекъ!
Тамъ жизнь не шла въ нѣмомъ покоѣ,
Тамъ пламень думъ палилъ чело...
И подъ перомъ твоимъ былое
Живыми красками цвѣло:
Вставали вновь чубы сѣдые,
И Сѣчь, и схватки боевыя,
Весь гулъ, весь ужасъ бранныхъ ссоръ...

Но чѣмъ волшебнѣй прошлой жизни
Казались дни, тѣмъ для отчизны
Въ нихъ рѣзче слышался укоръ.
Тамъ въ прошломъ—страсть, борьба, страданье,
А здѣсь вокругъ—одно молчанье...
Вокругъ не люди, а рабы
Имъ не понятна жизнь борьбы
За идеалъ, за убѣжденье...
За то какое утѣшенье
Ты познавалъ, взамѣнъ скорбей,
Когда предметъ для вдохновенья
Ты бралъ у родины своей,
Когда писалъ ты про Украину!
Любилъ ты тишь, покой и тайну
Ея задумчивыхъ ночей,
Сыновъ Украины безпокойныхъ
И малоруссокъ гордо-стройныхъ

Съ огнемъ и съ лаской ихъ очей.
Ихъ пѣснямъ внемля чуткимъ ухомъ,
Въ Украинѣ съ дѣтства живши самъ,
Ты весь проникся ея духомъ,
Ты близокъ сталъ къ ея мечтамъ
И ты писалъ...

Твои творенья

Украина любить и, любя,
Сегодня чтить она тебя.

Сверкаетъ блескомъ вдохновенья
Все то, что создалъ ты... На всемъ
Печать и мысли, и искусства...
И всюду вѣетъ нѣга чувства,
И льется въ душу намъ тепломъ.

Годовъ проходятъ вереницы...
И что-жь? Гдѣ власть ихъ надъ тобой?
Чаруютъ книгъ твоихъ страницы
И нынѣ юной красотой.
Ихъ пышный цвѣтъ неувядаемъ...
Какъ свѣточъ, ты стоишь надъ краемъ
Въ вѣнцѣ немеркнущихъ лучей,
Какъ встарь, зова къ добру людей...

И нынче, путь твой озирая,
Вся Русь отъ края и до края,
Подъ колокольный грустный звонъ,
Склонивъ молитвенно колѣни,
Несетъ твоей великой тѣни
Дары любви со всѣхъ сторонъ.
Ты дорогъ тѣмъ, что въ Русь ты вѣрилъ,
Что въ годы лжи не лицемѣрилъ,
Что, жаждой свѣта озаренъ,
Ты полонъ былъ однихъ мечтаній—
Спасти отчизну отъ страданій...
И сталъ могучій нашъ языкъ
Пышнѣй въ красѣ твоихъ твореній...
Ты дорогъ тѣмъ, нашъ братъ, нашъ гений,
Что былъ ты честенъ, былъ великъ!

И жаль одно: въ концѣ служенья,
Съ душой, измученной въ борьбѣ,

Въ приливѣ скорби и сомнѣнья
Ты измѣнилъ свои воззрѣнья,
Ты измѣнилъ совсѣмъ себѣ

Нерѣдко солнце такъ сіяетъ
Съ утра въ лазури голубой,
Но до заката вдругъ скрываетъ
Свой ликъ за тучей дождевой.

.

Великій день великой тризны!
Вънецъ безсмертія тому,
Кто жаждалъ свѣта для отчизны,
Кто ненавидѣлъ страстно тьму.

П. А. Тулубъ.

В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь.

Чтобы жить, какъ должно, надобно пользоваться настоящей минутой... Зажигай свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь впереди. Въ свое время оглянешься, за тобою будетъ прекрасная свѣтлая дорога

В. А. Жуковскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По служебному и общественному положенію, какъ профессору по кафедрѣ исторіи русской литературы, гласному городской думы и председателю городской училищной комиссіи, мнѣ пришлось принять дѣятельное участіе въ чествованіи памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя въ дни пятидесятилѣтій со времени ихъ кончины: сказано было двѣ рѣчи на торжественныхъ собраніяхъ Совѣта Харьковскаго университета и Историко-филологическаго общества, затѣмъ рѣчь въ думѣ по вопросу о чествованіи великихъ писателей, рѣчь въ городскомъ сложномъ училищѣ имени А. С. Пушкина, рѣчь въ Московскомъ университетѣ на публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, гдѣ пишущій эти строки былъ депутатомъ, по назначенію отъ университета, совмѣстно съ профессорами М. Е. Халанскимъ и Д. Н. Овсяннико-Куликовскимъ, кромѣ того прочитанъ былъ отдѣльно рефератъ въ засѣданіи Харьковскаго Историко-филологическаго общества и напечатано нѣсколько статей въ «Южномъ Краѣ» и «Мирномъ Трудѣ».

Для Харьковскаго университетскаго сборника всѣ статьи и рѣчи, равно какъ и подготовительные и въ свое время неиспользованные матеріалы пересмотрѣны заново, большей частью переработаны, дополнены и сгруппированы въ систематическомъ порядкѣ.

Въ результатъ получилось 45 статей и замѣтокъ, разной величины и разной обработки. Сведены они въ такомъ порядкѣ: 1) статьи о В. А. Жуковскомъ, какъ филантропѣ, 2) статьи о В. А. Жуковскомъ, какъ

художникѣ, и 3) статьи о Н. В. Гоголѣ. Всѣ статьи о Жуковскомѣ, какъ художникѣ, и его отношеніяхъ къ современнымъ художникамъ (№№ 28—39) и большая часть статей и замѣтокъ о Жуковскомѣ, какъ филантропѣ (№№ 2, 3, 4, 10—27), впервые являются въ печати на страницахъ университетскаго сборника. Вступительная статья о Жуковскомѣ, какъ филантропѣ (№ 1), статьи о его отношеніяхъ къ Пушкину и Гоголю (№№ 5 и 6), замѣтки о Гоголѣ (№№ 41—45), статья о пребываніи Жуковскаго въ Харьковѣ (№ 40) были ранѣе напечатаны въ «Южномъ Краѣ», статьи объ отношеніяхъ Жуковскаго къ Квиткѣ, Шевченко и Максимовичу были напечатаны ранѣе въ «Мирномъ Трудѣ». Въ университетскомъ сборникѣ статьи эти перепечатаны большей частью съ дополненіями и поправками. Авторъ хорошо сознаетъ неполноту и недостаточную разработанность нѣкоторыхъ статей и замѣтокъ, но вводитъ ихъ, какъ отдѣльныя небольшія главы, въ виду того, что въ совокупности онѣ довольно отчетливо выясняютъ главную сторону жизни Жуковскаго, выдвинутую въ первой главѣ, именно, филантропическую его дѣятельность, въ высокой степени плодотворную и поучительную.

В. А. Жуковскій, какъ филантропъ.

Сладко любить и уважать людей, осыпавших насъ благодареніями.

В. А. Жуковскій.

Мы должны не только съ благодарностію свято хранить память о Жуковскомъ, но и съ любовью изучать его жизнь и поэзію, себѣ въ назиданіе, въ очищеніе собственной нашей жизни, нашихъ помысловъ, стремленій и дѣлъ.

Я. К. Гротъ.

В. А. Жуковскій знаменитъ, какъ писатель и какъ филантропъ. Его доброта отличалась огромной устойчивостью, и привлекала къ нему людей разныхъ положеній, отъ Особъ Царской Фамиліи до простыхъ крестьянъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ своему воспитателю генералу Мердеру 1833 г. (Цесаревичу шелъ тогда 16-й годъ) постоянно называетъ Жуковского «добрымъ», «безцѣннымъ». И въ позднѣйшей перепискѣ гуманнаго поэта съ гуманнымъ царственнымъ юношей обнаруживается съ обѣихъ сторонъ рѣдкое добродушіе, сердечная привязанность и глубокое взаимное уваженіе. Жуковскій въ сердцѣ Царя-Освободителя посѣялъ и воспиталъ благороднѣйшія чувства, давшія впоследствии прекрасные всходы на широкой русской народной нивѣ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, въ 1834 г., 16-ти лѣтнимъ юношей, по порученію своей матери, представился Жуковскому, былъ обласканъ имъ и впоследствии, въ видѣ воспоминанія, такъ описалъ его благостную наружность 1834 г., т. е. того періода въ жизни Жуковского, когда онъ жилъ еще въ Зимнемъ дворцѣ на положеніи воспитателя Наслѣдника Цесаревича и когда его филантропическая дѣятельность отличалась особенной интенсивностью. «Лицо его, говоритъ Тургеневъ, слегка припухлое, молочнаго цвѣта, безъ морщинъ, дышало спокойствіемъ; онъ держалъ голову наклонно, какъ бы прислушиваясь и размышляя; тонкіе, жидкіе волосы всходили косицами на совсѣмъ почти лысый черепъ; тихая бла-

гость свѣтилась въ углубленномъ взглядѣ его темныхъ, на китайскій ладъ приподнятыхъ глазъ, а на довольно крупныхъ, но правильно очерченныхъ губахъ постоянно присутствовала чуть замѣтная, но искренняя улыбка благоволенія и привѣта» ¹⁾).

Въ 1821 г. К. Н. Батюшковъ записалъ въ альбомѣ Жуковского:

Жуковскій, время все проглотитъ...

Но то, что въ сердцѣ мы хранимъ,

Въ рѣкѣ забвенья не потопитъ!

Нѣтъ смерти сердцу, нѣтъ ее,

Доколь оно для блага дышетъ!

А чѣмъ исполнено твое

И самъ Петрарка не опишетъ ²⁾).

Батюшковъ былъ правъ, когда говорилъ о сердечномъ богатствѣ Жуковского, какъ главномъ его сокровищѣ, основной чертѣ его нравственнаго облика. Жуковскій—талантливый поэтъ, писатель-публицистъ, педагогъ представляетъ лишь извѣстную варіацію Жуковского-филантропа. Всѣ главныя его заслуги прямо или косвенно вышли изъ его добраго сердца. «Въ исторіи просвѣщенія, говоритъ г. Бартеневъ, значеніе Жуковского обнаруживалось лишь немногими чертами; но придетъ время, когда имя его засіяетъ неугасимыми лучами добра и красоты для отдаленнѣйшаго потомства. Это былъ по истинѣ, избранникъ Неба. Чѣмъ ближе узнаешь его, тѣмъ больше его любишь, тѣмъ разнообразнѣе являются его достоинства» ³⁾).

«Записки» А. О. Россетъ-Смирновой—настоящій диопрамъ добротѣ Жуковского и Пушкина: «Жуковскій—воплощеніе безконечной доброты. Пушкинъ говорилъ о немъ: «онъ почти слишкомъ добръ. Во всей его обширной особѣ не найдется достаточно желчи, чтобы убить зловредную муху». Въ другомъ мѣстѣ приведено замѣчаніе Пушкина, что у Жуковского «небесная» душа. Сама Смирнова называетъ его душу «хрустальной» ⁴⁾).

Въ русскихъ историческихъ журалахъ, въ разныхъ историческихъ сборникахъ, въ мемуарахъ и письмахъ разныхъ дѣятелей первой половины XIX ст. разбросано множество сообщеній о филантропической дѣятельности Жуковского. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ подробностями личной жизни Жуковского, тѣмъ болѣе выступаетъ наружу несмѣтная

¹⁾ И. С. Тургеневъ, Полн. собр. соч. 1883 г., I, 83.

²⁾ «Русск. Стар.» 1887, 240.

³⁾ Русск. Арх. 1894, III, 576.

⁴⁾ Смирнова, I, 178, 186, 219 и др.

сумма добра, накопленная имъ въ теченіе полувѣка на широкомъ пространствѣ отъ Енисея до Рейна.

Встрѣчая у Жуковского на каждомъ шагѣ проявленія добраго чувства, въ его колоссальной частной перепискѣ, въ сочиненіяхъ, въ сферѣ личныхъ отношеній, въ кругу семейныхъ и общественныхъ отношеній, естественно возникаетъ вопросъ, какія обстоятельства личной жизни поэта воспитали и развили вложенное въ его сердце отъ природы гуманное настроеніе, что закрѣпило въ немъ идеи добра въ тотъ мрачный вѣкъ, который Пушкинъ называлъ «жестокимъ», и сдѣлало изъ Жуковского нравственное средоточіе для обширнаго круга писателей, болѣе того, для всей русской литературы первой половины прошлаго столѣтія.

Пушкинъ называлъ свой вѣкъ «жестокимъ» и былъ совершенно правъ. Жестокость царила во всѣхъ отношеніяхъ: въ отношеніи начальниковъ къ подчиненнымъ, офицеровъ къ солдатамъ, господъ къ слугамъ, наставниковъ къ ученикамъ. Въ мемуарахъ и запискахъ современниковъ Жуковского во множествѣ разсѣяны безобразныя сцены жестокихъ отношеній чловѣка къ чловѣку. Возмутительное происшествіе разсказано, напримѣръ, въ дневникѣ А. В. Никитенко подъ 1843 г.: «Въ корпусѣ путей сообщенія мальчики освистали какого то учителя-офицера, обращавшагося съ ними нестерпимо грубо, и грозили выгнать его изъ класса, если онъ не перемѣнитъ съ ними обращенія,— дерзкая шалость, которая заслуживала школьнаго взысканія. Но какъ же поступили съ этими бѣдными, неразумными дѣтьми? Сначала ихъ, числомъ шесть, бросили въ какой то подвалъ—пока послѣдуетъ особое распоряженіе. Потомъ ихъ сѣкли передъ всѣмъ заведеніемъ и такъ, что докторъ, при этомъ присутствовавшій, пересталъ отвѣчать за жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ, затѣмъ лишили дворянства, разжаловали въ солдаты и, по этапамъ, какъ обыкновенныхъ колодниковъ, отправили на Кавказъ. Ужасъ, ужасъ и ужасъ! восклицаетъ академикъ Никитенко ¹⁾).

Даже дѣти Императорской Фамиліи не были гарантированы отъ жестокаго обращенія приставленныхъ къ нимъ дядекъ, какъ показываетъ одна статья въ «Русской старинѣ», о воспитателѣ Императора Николая Павловича генералѣ Ламздорфѣ. Ламздорфъ былъ чловѣкъ, суровый, жестокій и до крайности вспыльчивый. «Вовсе не понимая воспитанія въ истинномъ высшемъ его смыслѣ, онъ, вмѣсто того, чтобы дать возможно лучшее направленіе тѣмъ моральнымъ и интеллектуальнымъ силамъ, которыя уже были въ ребенкѣ, приложилъ всѣ свои старанія единственно къ тому, чтобы переломить его на свой ладъ и итти прямо на переکورъ

¹⁾ Никитенко, Дневникъ, I, 453.

всѣмъ наклонностямъ, желаніямъ и способностямъ порученнаго ему Воспитанника. Великій князь Николай, а впослѣдствіи и воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ младшій братъ его Михаилъ Павловичъ были постоянно какъ бы въ тискахъ. Они не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной дѣтской рѣзвости: ихъ на каждомъ шагѣ останавливали, дѣлали замѣчанія, преслѣдовали наставленіями и угрозами наказанія. Послѣднія доходили до жестокости. Ламздорфъ безчеловѣчно билъ Великихъ Князей линейками, ружейными шомполами и проч. Не разъ случалось, что, въ своей ярости, онъ хваталъ Великаго Князя за грудь или воротникъ и ударялъ его объ стѣну, такъ что онъ почти лишался чувствъ. Розги были въ большомъ употребленіи, и сѣченіе Великихъ Князей не только ни отъ кого не скрывалось, но и заносилось въ ежедневные журналы. Такъ, въ журналѣ отъ 19 апрѣля 1804 года занесено, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, сдѣлавъ проступокъ, пришелъ къ бывшей своей нянѣ миссъ Лайонъ и самъ просилъ, чтобы она его выскла, полагая, что послѣ этой операціи, сравнительно, конечно, легкой, онъ будетъ обезпеченъ отъ сильнѣйшаго сѣченія его генераломъ Ламздорфомъ. «Дядька, въ намѣ представленный,—говорилъ впослѣдствіи Императоръ Николай Павловичъ графу Киселеву,—не умѣлъ руководить нашими уроками, ни внушить намъ любовь къ литературѣ и къ наукамъ: онъ вѣчно ворчалъ, подчасъ раздражался сильнѣйшимъ гнѣвомъ изъ-за пустяковъ, бранился и нерѣдко надѣлялъ насъ толчками и пинками, которыхъ особенно много доставалось на мою долю. Братъ при своемъ болѣе податливомъ характерѣ и болѣе веселомъ нравѣ лучше уживался съ этимъ несноснымъ человѣкомъ. Богъ ему судья за бѣдное образованіе, нами полученное».

Послѣ такихъ примѣровъ нѣтъ надобности ссылаться на жестокую расправу въ войскахъ, на несчастныхъ кантонистовъ (см. Записки *Кречмера* въ «Историч. Вѣстн.»), нѣтъ надобности указывать на невысимо тягостное положеніе арестантовъ (см. ст. *А. Θ. Конн* о докторѣ Гаазѣ). Тѣмъ важнѣе было присутствіе и дѣятельность такихъ людей, какъ В. А. Жуковскій.

Подъ какими вліяніями развился гуманизмъ Жуковского? что содѣйствовало воспитанію его добраго отъ природы сердца?

Несомнѣнно, на Жуковского сильно повліялъ тотъ женскій кругъ, въ которомъ онъ провелъ свои молодые годы. Природные задатки сердечности и доброты возрасли подъ мягкимъ воздѣйствіемъ его многочисленныхъ родственницъ. Жуковскій росъ, окруженный цѣлымъ роємъ милыхъ и добрыхъ дѣвушекъ. Оставляя Дерптъ, по желанію своей старшей сестры Протасовой, Жуковскій въ 1815 г. писалъ ея дочери, своей

любимой племянницѣ Марьѣ Андреевнѣ: «Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою... Въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ всѣ мои дѣятельности» ¹⁾.

Любовь къ Марьѣ Андреевнѣ была для Жуковского горестнымъ испытаніемъ; но она закалила его сердце въ стремленіи къ самопожертвованію ради блага ближняго, готовности поступаться личными интересами.

Нельзя отрицать вліяніе другой его талантливой племянницы Авдотьи Петровны Кирѣевской, по второму мужу Елагиной, женщины высокихъ нравственныхъ качествъ и прекрасно образованной. Жуковский называлъ ее своей поэзіей. По отзыву Кавелина, она участвовала въ движеніи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу. Хомяковъ говорилъ ей, когда она была уже старухой, что и въ старческіе годы въ нее можно влюбиться. Ея тихое и умное слово, ея улыбка, строка ея письма производили чарующее впечатлѣніе ²⁾. Она воспитала знаменитыхъ дѣятелей русскаго просвѣщенія, своихъ сыновей, Ивана и Петра Васильевичей Кирѣевскихъ.

Можно думать, что на развитіе въ Жуковскомъ гуманнаго чувства оказалъ вліяніе его учитель, писатель-педагогъ Теоф. Гавр. Покровскій, писавшій подъ псевдонимомъ «Философъ горы Алаунской». Н. С. Тихомировъ извлекъ изъ архива московскаго университета его формулярный списокъ, принялъ къ свѣдѣнію его статьи и далъ цѣнный очеркъ его дѣятельности и его значенія ³⁾. Покровскій принималъ дѣятельное участіе на литературныхъ вечерахъ Юшковой и слѣдилъ за ученіемъ Жуковского въ тульскомъ училищѣ. Ревностный исполнитель своихъ служебныхъ обязанностей, Покровскій исключилъ Жуковского за невнимательность. По стилю Покровскій романтикъ, по настроенію филантропъ. Онъ преданъ прелестямъ сельской жизни. Онъ думалъ, что «только въ пріятномъ уединеніи сельскія несокрушимы еще жертвенники невинности и счастья». Большіе города представляются ему «великолѣпными темницами». Онъ другъ нищихъ, другъ бѣдныхъ крестьянъ; онъ идетъ далѣе, и высказывается противъ продажи людей. Такъ, въ одной статьѣ онъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ описываетъ горе нищаго крестьянина, которому грозило выселеніе въ другую деревню, вмѣстѣ съ другими крестьянами. «Ахъ! можно ли изобразить тогдашнее смятеніе ихъ деревни, воскли-

¹⁾ Зейдлицъ, 130.

²⁾ Руск. Арх. 1894, II, 326.

³⁾ Тихомировъ, Соч., т. III, I, 390—396.

цаетъ Покровскій. Когда время приближалось почти къ глубокой осени, когда, по опредѣленію злобнаго рока, должны были оставить свое жилище, тогда всѣ съ неописаннымъ воплемъ, съ уныніемъ удручающимъ душу и сердце, всѣ какъ будто преступники, осужденные къ смертной казни, отправились въ путь... Человѣки! существа благотворительныя! восклицаетъ Покровскій. Съ какимъ чувствомъ вы взираете на слезы, вздохи, мученія подобнаго вамъ существа, возсылающаго съ ними свою жалобу Вездѣсущему и Всевѣдущему?.. Загляните внутрь сердца вашего: съ какимъ тайнымъ удовольствіемъ оно возбуждаетъ васъ къ священнѣйшей должности—любить». Сочиненія Покровскаго пользовались извѣстностью. Ихъ одобряли Херасковъ и Шаликовъ. Въ 1813 г., по предложенію Министра Народнаго Просвѣщенія, сочиненіе Покровскаго подъ названіемъ «Философъ горы Алаунской», издано было на казенный счетъ. Тихонравовъ полагаетъ, что сочиненія Покровскаго были извѣстны Жуковскому еще до поступленія его въ университетскій пансіонъ ¹⁾.

Статьи Философа горы Алаунской о бѣдныхъ крестьянахъ напечатаны въ Иппокренѣ (1799—1801), и вскорѣ въ 1809 году Жуковскій въ «Вѣстникѣ Европы» пишетъ статью «Печальное происшествіе», въ которой, въ томъ же духѣ и въ томъ же тонѣ, высказывается противъ продажи крѣпостныхъ людей. Грустныя размышленія Жуковскаго въ стихотвореніи о старикѣ нищемъ тоже, какъ будто, развиваютъ сѣтованія Покровскаго.

Близкое знакомство Жуковскаго въ молодые годы съ Вас. Ив. Кирѣевскимъ также было небезполезно для него въ смыслѣ развитія дѣятельнаго альтруизма. Жуковскій познакомился съ Кирѣевскимъ въ Москвѣ въ началѣ XIX в. Вас. Ив. Кирѣевскій, по словамъ Зейдлица, «съ истинной образованностью соединялъ никогда не ослабѣвавшее стремленіе быть полезнымъ для своихъ соотечественниковъ». Въ 1805 г. онъ женился на племянницѣ Жуковскаго, подругъ его юности, Авдотѣ Петровнѣ Юшковой. В. И. Кирѣевскій скончался 1 ноября 1812 г., заразившись въ больницѣ, которой завѣдывалъ и, гдѣ, по словамъ компетентнаго свидѣтеля доктора Зейдлица, «отличался удивительными подвигами милосердія» ²⁾.

Къ числу лицъ, близкихъ къ Жуковскому, дружба съ которыми могла содѣйствовать развитію филантропическаго настроенія—былъ старій пріятель и неизмѣнный другъ Жуковскаго Александръ Ив. Тургеневъ, унаслѣдовавшій отъ своего отца, славнаго сочлена новиковскаго

¹⁾ Тихонравовъ III 395.

²⁾ Зейдлицъ, 27.

дружескаго ученаго Общества И. П. Тургенева доброе сердце и дѣятельную любовь къ ближнимъ. Въ запискахъ А. О. Смирновой А. Тургеневъ обрисованъ слишкомъ пристрастно и невѣрно, въ видѣ фразера и хвастуна; его роль, его нравственное значеніе въ пушкинскомъ кружкѣ были болѣе значительны, чѣмъ о томъ можно судить по Запискамъ Смирновой. Во многихъ благотворительныхъ дѣлахъ Тургеневъ шелъ рука объ руку съ Жуковскимъ, напримѣръ, въ хлопотахъ за Мещевского, Баратынскаго, Шевченка. Личность А. Тургенева ярко очерчена въ письмѣ неизвѣстной дамы къ Жуковскому, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Тургенева въ 1845 году, въ письмѣ отъ 15 января 1846 г. «Добрый Тургеневъ! За недѣлю до кончины онъ такъ горячо принялся за подписку въ пользу страждущихъ голодомъ въ провинціяхъ забалтійскихъ... въ два дня собрали около 3000 руб. Какъ радовался онъ своимъ успѣхамъ! Такъ какъ онъ никогда не забывалъ несчастныхъ ссыльныхъ, то и имъ тоже была собрана сумма. Наканунѣ кончины (2 декабря 1845 г.) онъ простился съ ними. Смерть застала его за дѣломъ добра; онъ старался послѣдніе дни о томъ же, что всю жизнь занимало его сердце: облегченіе страждущей братіи. Послѣднее его почти слово было о чловѣкѣ бѣдномъ... Какъ нѣжно любилъ онъ насъ, друзей своихъ»... Въ письмѣ Мельгунова къ Жуковскому о смерти Тургенева находится одна мелкая, но весьма характерная черта: извѣстный филантропъ Гаазъ по два раза въ день пріѣзжалъ цѣловать руку покойника. Замѣчательна еще одна подробность, сообщенная въ письмѣ Мельгунова: Тургеневъ хотѣлъ написать Жуковскому о своихъ мрачныхъ предсмертныхъ предчувствіяхъ, за нѣсколько дней до своей кончины написалъ письмо, гдѣ «излилъ всю свою душу», и разорвалъ его въ клочки, чтобы не огорчить Жуковскаго» ¹⁾).

Въ дѣлѣ сформированія въ Жуковскомъ нравственной личности нѣкоторую роль сыгралъ Арзамасъ, дружеское литературное Общество, возникшее въ Петербургѣ въ 1816 г. подъ вліяніемъ московскихъ земляческихъ симпатій и морально-литературныхъ связей московскихъ писателей конца XVIII ст. Задуманное желаніе кн. Вяземскаго, высказанное въ письмѣ къ А. И. Тургеневу въ 1813 г., объ учрежденіи такого кружка, который противодѣйствовалъ бы «Бесѣдѣ», «чтобы зажить радости», нашло себѣ осуществленіе въ 1815 г., послѣ появленія комедіи кн. Шаховскаго «Липецкія воды», гдѣ въ лицѣ балладника Фіалкина былъ осмѣянъ Жуковскій ²⁾. Уставъ Арзамаса былъ составленъ Жуковскимъ и

¹⁾ *Русск. Арх.* 1899, стр. 635, 638.

²⁾ Цѣнныя данныя разбросаны въ 1 т. «Остафьевскаго Архива» и примѣчаніяхъ къ нему Сайтова. См. еще Халанскаго въ «Харьк. Универ. Сборн.» въ память Пушкина, 377—397 и Кирпичникова, въ «Русск. Стар.» 1899, май.

Блудовымъ, согласно съ уставомъ московскаго «Дружескаго литературнаго Общества» 1801 г. Цѣль Арзамаса была двоякая: польза отечества, состоящая въ распространеніи изящной словесности и, вообще, понятій ясныхъ и правильныхъ, и польза самихъ членовъ, состоящая въ трудѣ постоянномъ». По отношенію къ «публикѣ» Арзамасъ имѣлъ такія цѣли:

- 1) Наблюдать политическое и нравственное состояніе Россіи и прочихъ государствъ.
- 2) Наблюдать состояніе, ходъ, успѣхи и измѣненіе наукъ, искусствъ и словесности, какъ отечественной, такъ и чужеземной.
- 3) Сообщать публикѣ плоды сихъ наблюденій и въ особенности посредствомъ постоянного періодическаго изданія.
- 4) Поощрять возникающіе таланты, по усмотрѣнію Общества и по мѣрѣ средствъ онаго.

Задача благотворительности, положенная Новиковымъ и Шварцомъ въ основу московскаго дружескаго Общества, съ небольшими измѣненіями, послѣдовательно перешла въ московское дружеское литературное Общество и позднѣе въ петербургскій Арзамасъ. Хотя по уставу въ Арзамасѣ задача эта была ограничена исключительно литературной средой и литературными цѣлями, но важно было сохраненіе ея, какъ нравственно-воспитательнаго элемента для молодыхъ членовъ Общества. Хотя Арзамасъ закрылся въ 1818—1819 годахъ, по случаю отъѣзда изъ Петербурга нѣкоторыхъ видныхъ его членовъ, но его нравственное вліяніе еще долго чувствовалось въ руководящихъ литературныхъ кружкахъ 20-хъ годовъ. Хранителями и выразителями его лучшихъ преданій были Жуковскій, А. Тургеневъ, Пушкинъ, кн. Вяземскій. Въ частности, въ дѣлахъ благотворительности, Жуковскій часто шелъ впереди своихъ друзей арзамасцевъ, указывалъ имя лицъ, нуждавшихся въ поддержкѣ, преимущественно изъ круга литературныхъ дѣятелей, и настойчиво напоминалъ и, такъ сказать, подгонялъ при случаѣ своихъ пріятелей къ оказанію помощи нуждавшимся лицамъ, какъ показываютъ его настойчивыя хлопоты въ пользу Паррота, фонъ-деръ-Бригена и др. Главными сотрудниками Жуковскаго въ этомъ отношеніи являлись Александръ Тургеневъ и кн. Вяземскій.

Жуковскій идею добра ставилъ всегда на первомъ планѣ и подчинялъ ей свою дѣятельность, свои помыслы и желанія. Въ 1832 году въ письмѣ къ своему великому ученику, Наслѣднику Цесаревичу, позднѣе Царю-Освободителю Александру II. Жуковскій говоритъ: «Примѣръ добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что мы можемъ даровать тѣмъ, кто живетъ вмѣстѣ съ нами; память добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что можемъ оста-

вить тѣмъ, кто будетъ жить *послѣ* насъ». И такъ въ идеѣ добра для Жуковскаго сливалось представленіе объ обязанностяхъ человѣка въ настоящей жизни и о правѣ на признательность потомства послѣ смерти.

Филантропическая основа жизни выработана была Жуковскимъ еще въ молодости. Такъ въ записной книжкѣ, или «журналѣ» 1805 г. Жуковскій отмѣтилъ: «Я не требую слишкомъ многого. Хочу спокойной, невинной жизни. Желаю не нуждаться; желаю чтобы я и матушка были не несчастны, имѣли все нужное... Спокойная, невинная жизнь, занятія для меня и *другихъ* полезныя или пріятныя, дружба, искренняя привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ и, наконецъ, если было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ *благодѣяній*—вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія» ¹⁾.

Въ другомъ черновомъ наброскѣ, относящемся, вѣроятно, къ 1814 г., Жуковскій говоритъ: «Наша цѣль—*общее счастье*». «Думая о себѣ, думать о другихъ. Свое особенное не противлять общему. Не желать и не дѣлать ничего, что было бы противно счастью кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно, общему. Дѣлать все то только, что бы къ нему способствовало» (ib, 8) Все это наброски черновые, не предназначенныя для печати, какъ отраженіе добраго любвеобильнаго сердца.

Въ посланіи къ Арбеновой 1812 г. Жуковскій говоритъ;

Кому дано...

Любовь къ добру переливать въ сердца,

Тотъ на землѣ не тщетный обитатель...

Тѣмъ болѣе, что можно быть полезнымъ и «въ маломъ кругѣ», подобно пчелѣ, которая «свой медъ на скромномъ копить лугѣ».

Любить добро и пѣть его на лирѣ

Вотъ все, мой другъ!.. ²⁾.

Какъ поэтъ, какъ писатель, Жуковскій всегда служилъ своему основному положенію, что поэзія есть добродѣтель. Общій тонъ его поэзіи гуманистическій. Уже въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній—«Къ Тибуллу» 1800 г. Жуковскій говоритъ:

Начто винить боговъ напрасно?

Себя ты можешь пережить;

Любя добро и мудрость страстно,

Стремясь друзьями міру быть,

Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!

¹⁾ (Въ прилож. къ отчету Имп. публич. библ. 1884 г. стр. 6).

²⁾ Впервые издано въ прилож. къ Отч. Имп. пуб. библ. 1884, 36.

Въ посланіи къ Батюшкову Жуковскій такъ изображаетъ цѣли, къ которымъ долженъ стремиться истинный поэтъ:

О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.

По мнѣнію Жуковского:

Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посраимъ
Поэтовъ достоянья.....
Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно;
Когда отъ нашихъ лирь
Льются жизни звуки,
Чарующіе муки,
Сердцамъ даючи миръ...
Когда..
Стезю къ убогихъ прагу
Являетъ богачамъ...

Во многихъ стихотвореніяхъ пробивается человѣколюбивая тенденція, «да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ» («Къ поэзія» 1805 г.). Лучшая часть богатаго литературнаго наслѣдства, оставленнаго Жуковскимъ, переводы его изъ Шиллера, Гербеля, Грея, построена на тепломъ, гуманномъ чувствѣ. Изъ оригинальныхъ стихотвореній къ этому теченію прямо примыкають «Свѣтлана», «Добрая мать», «Воспоминаніе», «Письмо къ Александру Тургеневу» и прозаическія къ нему примѣчанія и мн. др.

Чисто филантропической характеръ имѣетъ стихотвореніе «Сиротка». Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію Жуковскій говоритъ: «Трогательное происшествіе подало поводъ написать эти стихи. Одна забывчивая мать оставила своихъ дѣтей (трехъ дочерей) въ Москвѣ при нашествіи непріятеля. Малютки спасены жалостью посторонняго, бѣднаго человѣка. Одна изъ дѣвочекъ была принята А. И. Плещеевой, которая пеклась о ней съ материнскою нѣжностью и не рознила ее ни въ чемъ съ собственными дѣтьми своими. Другія двѣ были возвращены матери». Стихотвореніе написано въ 1813 г. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, проникнуто живымъ личнымъ чувствомъ и устойчивымъ оптимизмомъ. Въ видѣ припѣва нѣсколько разъ повторяется мысль, что у святого Провидѣнья нѣтъ сиротъ, что «путь Его всегда къ добру ведетъ».

И старость вызывала въ Жуковскомъ гуманное, филантропическое чувство, что видно изъ чернового наброска начатаго стихотворенія безъ заголовка 40-хъ годовъ. Стихотвореніе осталось неоконченнымъ. Написано всего 43 стиха:

Часто въ прогулкахъ моихъ одинокихъ мнѣ попадался

Старый нищій: всегда у большой дороги сидѣлъ онъ...

Далѣе говорится, какъ онъ медленно ѣлъ корки хлѣба, какъ медленно тащился по пыльной дорогѣ. Ежедневно, склонивши дряхлую голову, бродилъ онъ съ утра до поздней ночи.—«Бѣдный странникъ!».— Въ общей обрисовкѣ, въ эпитетахъ обнаруживается теплое сочувствіе автора.

Въ стихотвореніяхъ Жуковского встрѣчаются отзвуки его филантропическихъ заботъ о людяхъ разныхъ общественныхъ положеній.

Одно изъ лучшихъ филантропическихъ стихотвореній Жуковского «Посланіе къ кн. Вяземскому 1814 года». Начинается оно превосходнымъ предисловіемъ.

Намъ славить древность Амфіона:

Отъ струнъ его могучихъ звона

Воздвигся городъ самъ собой.

Правдоподобно, хоть и чудно!

Что древнему поэту трудно?

А нынче?... Нынче вѣкъ иной!...

И въ наши бѣдственные лѣта

Не только лирами поэты

Не строятъ новыхъ городовъ,

Но сами часто безъ домовъ,

Богатымъ платятъ пѣснопѣнемъ

За скудный уголь чердака,

И грѣются воображеньемъ

Подлѣ пустого комелька!

О, Амфіонъ, благоговѣю!

Но, признаюсь, не сожалею,

Что даръ твой говорить стѣнамъ

Въ наслѣдство не достался намъ!

Славнѣе говорить сердцамъ

И пробуждать въ нихъ чувства пламень,

Чѣмъ оживлять бездушный камень

И зданья лирой громоздить.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, общія филантропическія цѣли поэзіи, Жуковский обращается къ Вяземскому, какъ къ поэту и состоятелю—

ному человѣку, съ просьбой о пособіи семьѣ бѣднаго умершаго священника.

Съ тобой хочу я говорить,
 Мой другъ и братъ по Аполлону!
 Склонись къ знакомой лирѣ звону.
 Одинъ въ насъ пламенѣть жаръ;
 Но мой удѣлъ на свѣтъ—струны!
 А твой: и сладкихъ пѣсень даръ
 И пышныя дары фортуны,
 Послушай повѣсти моей
 (Здѣсь истина безъ украшенья).
 Былъ пастырь, образецъ смиренья,
 Отъ самыхъ юношескихъ дней
 Святого алтаря служитель,
 Онъ чистой жизнью оправдалъ
 Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
 Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель.
 Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
 Былъ подвиговъ его свидѣтель!
 Невидимую добродѣтель
 Его лишь тотъ, кто нагъ иль сиръ,
 Иль обреченъ былъ униженью,
 Вдругъ узнавалъ по облегченью
 Тяжелыя судьбы своей!
 Ему науки были чужды—
 И нѣтъ въ излишнемъ знаньи нужды!—
 Онъ рѣдкую между людей
 Въ простой душѣ носилъ науку:
 Страдальцу гибнущему руку
 Въ благое время подавать.
 Не зналъ онъ гордаго искусства
 Умы витійствомъ поражать
 И приводить въ волненіе чувства;
 Но, другъ, спроси у сироты,
 Когда въ одеждѣ нищеты,
 Потупя взоры торопливо,
 Она стояла передъ нимъ
 Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
 Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
 Въ ней сердце къ жизни оживлять,

И міръ, ей страшный, украшать
Надеждою на Провидѣнье?
Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
Когда лишь смерти слышенъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенъе,
Онъ съ робкой говоритъ душой,
И, скрывъ предъ нею міръ земной,
Являютъ предъ нею міръ небесный?
Какъ часто въ уголь неизвѣстный,
Гдѣ нищій съ голодною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,
Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Растроганныхъ его мольбою!..
Мой милый другъ, его ужъ нѣтъ!
Судьба внезапною рукою
Его въ другой угнала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги!
Вдовы жъ наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепель хижины сгорѣлой,
Да плачь семьи осиротѣлой...
Скажи, вотще-ль ихъ жалкій стонъ?
О, нѣтъ! Онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ,
Вѣрнѣй, онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая,
Не измѣняющая намъ!
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
Сиротъ оставленныхъ спасенье!
Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ!
Исполнимъ добраго завѣтъ
И оправдаемъ Провидѣнье!

И къ самой внѣшней природѣ Жуковскій подходилъ съ симпатической и филантропической точекъ зрѣнія, какъ показываетъ прекрасное его стихотвореніе «Ночь» (1815 г.):

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.

Своимъ миротворнымъ явленіемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ мать дитя, успокой.

Къ поэзіи Жуковскаго, какъ оригинальной, такъ и переводной, въ значительной степени приложимо то, что говоритъ Жуковскій о Вальтеръ-Скоттѣ въ прозаической статьѣ «Слова поэта — дѣла поэта» (1848 г.): «...посреди этого очарованнаго міра самое очаровательное есть онъ самъ, его свѣтлая, чистая, младенчески-вѣрующая душа; ея присутствіе разлито въ его твореніяхъ, какъ воздухъ на горныхъ высотахъ, гдѣ дышется такъ легко, освѣжительно и цѣленно. Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги: съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту»...

Доброму сердцу Жуковскаго пришлось вынести много тяжкихъ испытаній. Величайшій врагъ міра — смерть производила среди людей ему близкихъ и дорогихъ жестокія опустошенія, и одна только твердая вѣра въ Промыселъ и безсмертіе души спасала Жуковскаго отъ отчаянія и давала ему силу перенести удары и даже поддержала въ немъ силы для утѣшенія обездоленныхъ и осиротѣвшихъ. Въ молодости Жуковскій потерялъ своего лучшаго друга Андрея Тургенева, потерялъ горячо любимую женщину, — М. А. Мойеръ, затѣмъ идутъ новыя тяжелыя потери, смерть Сергѣя Тургенева, А. А. Воейковой, Пушкина, Кати Воейковой, Мии Рейтернъ, Александра Тургенева, Гоголя и многихъ другихъ близкихъ и дорогихъ ему людей.

Жуковскій вездѣ выступаетъ съ словомъ утѣшенія, съ поддержкой нравственной или матеріальной. Въ наши цѣли не входитъ обрисовка его выдающейся заботливости о близкихъ родныхъ, но все таки нельзя вполнѣ обойти эту сторону филантропической дѣятельности Жуковскаго.

«Радоваться не своимъ личнымъ счастьемъ, а счастьемъ милыхъ намъ людей, есть самое чистое наслажденіе», писалъ Жуковскій графинѣ Барановой въ 1840 г.¹⁾, и всячески стремился облегчить несчастія.

1 ноября 1812 г. въ Долбино скончался В. И. Кирѣевскій, мужъ племянницы поэта Авдотьи Петровны, отецъ знаменитыхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія И. В. и П. В. Карѣевскихъ. Узнавъ о большой горести А. П. Кирѣевской, Жуковскій въ іюлѣ 1813 г. послалъ изъ г. Черни, гдѣ онъ тогда проживалъ, обширное письмо, въ которомъ настойчиво совѣтовалъ не поддаваться тоскѣ. «Я боюсь, — писалъ Жуковскій, чтобы вы не имѣли вредной мысли, что горе есть обязанность... Я требую, чтобы вы себя переломили, чтобы вы, давъ волю настоящей

¹⁾ Рус. Стар. 1902, IV, 129.

горести въ первую минуту, рѣшительно отказались отъ всего того, что можетъ ее усилить, не останавливались бы надъ ней мысленно, и думали о томъ, что у васъ есть, а не о томъ, что вы потеряли. Стараться быть счастливой есть ваша обязанность, ибо вы мать». Любопытно, что Жуковскій, человѣкъ религіозный, прибавляетъ: «Я желалъ бы, чтобы вы не ходили въ церковь во все время вашего пребыванія въ Долбино». Далѣе онъ совѣтуетъ ей обратиться къ лучшему лѣкарству отъ огорченій— къ труду и подготовиться къ воспитанію дочери¹⁾.

Извѣстно, какъ много сдѣлалъ Жуковскій для Маріи Андреевны Мойеръ, какъ великодушно и самоотверженно онъ поступилъ своими личными интересами, и какъ глубоко былъ опечаленъ ранней смертью Мары Андреевны.

Другая любимая племянница, бывшая въ несчастномъ замужествѣ за мелочнымъ писателемъ Воейковымъ, Александра Андреевна скончалась отъ чахотки въ Италіи въ 1828 г. Незадолго до ея кончины, Жуковскій, узнавъ о безнадежномъ ея положеніи, писалъ: «Твоя жизнь была чиста. Иди по своему назначенію! Благословляю тебя! Я знаю, что ты спокойна и свѣтла. Я хочу только успокоить твои послѣднія минуты извѣстіемъ о томъ что останется отъ тебя въ этомъ мірѣ. Не безпокойся объ участи своихъ дѣтей. Мы ихъ усыновляемъ—я, Петровскій и Полина (Толстая). Государыня не забудетъ ихъ, положишь на ея сердце. Катя и Саша, надѣюсь, могутъ жить со мною. Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина можетъ взять на себя заботы о Машѣ. Андрюша долженъ остаться въ Женевѣ, въ сторонѣ отъ отцовскаго вліянія; окончивъ свое первоначальное обученіе, онъ возвратится, и я позабочусь о немъ... Будь покойна... Провидѣніе замѣнитъ для твоихъ дѣтей душу ихъ матери и вознаградитъ ихъ за твою жизнь, столь чистую, невинную и полную испытаній... Ты будешь жить для насъ въ привязанности нашей къ твоимъ дѣтямъ и въ заботахъ нашихъ о нихъ»... Письмо пришло въ Пизу уже по смерти Александры Андреевны.²⁾

Жуковскій свято соблюдалъ свои обѣщанія. Прошло 9 лѣтъ, а онъ и Марію Воейкову пристроилъ въ Екатерининскій институтъ. По его просьбѣ она была помѣщена въ 1837 г. въ училище ордена св. Екатерины пансіонеркой Жуковского до выпуска 1838 г., послѣ чего перешла на иждивеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны³⁾.

¹⁾ *Русская Старина* 1883, 1, 197—200.

²⁾ *Зейдлицъ, Жизнь и поэз. Жук.* 146.

³⁾ *Русская Старина* 1898, нояб. 366.

При кончинѣ друзей Жуковскій былъ утѣшителемъ; онъ бралъ на себя тяжелыя хлопоты по обряживанію умершихъ и похоронамъ. Такъ было при кончинѣ Пушкина. Такъ было ранѣе при кончинѣ Сергѣя Тургенева и во многихъ другихъ случаяхъ. Какъ былъ распорядителемъ и внимателемъ въ этомъ отношеніи Жуковскій, можно видѣть изъ его письма къ Е. Г. Пушкиной 1827 г. изъ Парижа по поводу смерти Сергѣя Тургенева. Онъ выпроводилъ опечаленнаго его брата Александра ночевать въ другой домъ, а самъ остался при тѣлѣ умершаго для послѣднихъ распоряженій. ¹⁾

Для гуманнхъ людей большое значеніе имѣеть *jus manium*, почтительное отношеніе къ памяти умершихъ. И Жуковскій въ этомъ отношеніи стоялъ высоко. Онъ шелъ за гробомъ своего стараго литературнаго противника А. С. Шишкова и, обратясь къ Сербининовичу, сказалъ «это нашъ послѣдній долгъ истинно честному и правдивому человѣку». ²⁾

Жуковскій въ своихъ ходатайствахъ за бѣдныхъ и несчастныхъ былъ такъ настойчивъ, что, какъ говорится, «надоѣдалъ», и отъ него, уходили, или отказывали съ рѣзкостью, о которой потомъ сожалѣли и извинялись. Такъ, Дашковъ, членъ Арзамаса, впоследствии (1832—1839) Министръ Юстиціи, человѣкъ рѣзкаго и рѣшительнаго нрава, «бронза» — по словамъ А. С. Пушкина, однажды такъ крупно поговорилъ съ своимъ другомъ поэтомъ, по своему обыкновенію за кого-то просившимъ, что извинялся письменно. «Прости старинный и добрый другъ, — писалъ Дашковъ. Ты нашелъ меня больного, въ дурномъ расположеніи духа и уже разсерженнаго аристократическими претензіями тѣхъ лицъ, за которыхъ ты пріѣзжалъ мнѣ говорить. Я досадовалъ не на тебя, а на тѣхъ, которые вмѣшали твою дружбу въ тяжёлое дѣло. Ты знаешь сердился ли я, когда ты мнѣ говорилъ столько разъ за людей бѣдныхъ беззащитныхъ, *sans faveur de cour et hors du cercle de la soi disante bonne compagnie*». ³⁾

Съ особенной яркостью благородная смѣлость и настойчивость въ достиженіи добрыхъ цѣлей обнаруживается въ его многократныхъ просьбахъ и ходатайствахъ объ амнистіи декабристовъ. Настойчивость Жуковского вызвала было даже грозное неудовольствіе императора Николая Павловича. Слушай! сказалъ, однажды императоръ Жуковскому, знаешь ли пословицу: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты». Ее можно примѣнить къ тебѣ. Не смотря на то, что Тургеневъ осужденъ, ты безпрестанно за него вступался и не только мнѣ, но и

¹⁾ *Деятели. вѣкъ* I. 416.

²⁾ *Русская Старина* 1896, сент., 577.

³⁾ *Русск. Архивъ*, 1894, III, 142.

вездѣ говорилъ, что считаешь его невиновнымъ... Ты навлекъ на себя нареканія. Тебя называютъ главою партіи, защитникомъ всѣхъ тѣхъ, что только худъ съ правительствомъ»... И послѣ такой, какъ самъ Жуковскій выразился, «головомойки», Жуковскій записалъ въ своемъ дневникѣ: «Я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгаринымъ, ни Бенгондорфу: у меня есть другой вожатый—моя совѣсть, моя вѣрность государю ¹⁾).

Жуковскій былъ центромъ обширно филантропической дѣятельности для лицъ, разныхъ сословій, безъ различія національности или вѣроисповѣданія. Пушкинъ изъ Михайловскаго въ 1824 г. просилъ Жуковского похлопотать за 8-ми лѣтнюю Родосю Сафіонову, сиротку дочь грека, павшаго въ Скульнской битвѣ. ²⁾ Нѣмецкіе художники, нѣмецкіе пасторы обращаются къ Жуковскому съ просьбами о пособіи. ³⁾

Въ 1842 г. Жуковскій хлопоталъ о выдачѣ пенсіи вдовѣ Врангеля, бывшаго одно время при наслѣдникѣ—цесаревичѣ учителемъ правовѣдѣнія. Въ письмѣ къ Цесаревичу Жуковскій говоритъ, что Врангель былъ «добрый, скромный, человекъ чистѣйшей нравственности, былъ богатъ свѣдѣніями по своей части и постоянно усерденъ въ исполненіи своихъ обязанностей» ⁴⁾.

Въ 1847 г. Жуковскій написалъ къ Наслѣднику Цесаревичу такъ сочувственно «о жалкомъ огрызкѣ Кавказа» графъ Штейнбокъ, потерявшемъ ногу въ сраженіи и лѣчившемся за границей, ⁵⁾ что, очевидно, его желаніе склонить добраго Цесаревича къ пособію Штейнбоку.

Изъ записокъ А. О. Россетъ-Смирновой и изъ одного письма Жуковского видно, что онъ помогалъ изъ своихъ личныхъ средствъ сербамъ и черногорцамъ, обучавшимся въ Россіи и былъ такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ организованной помощи южнымъ славянамъ ⁶⁾.

Оказывалъ пособіе Жуковскій и нѣкому Звѣреву, ⁷⁾ и нѣкому Ковалькову, ⁸⁾ и нѣкому Боку ⁹⁾ и какому то мальчику литератору, и одному неизвѣстному бѣдному нѣмецкому скульптору, ¹⁰⁾ и многимъ другимъ, имена которыхъ нынѣ покрыты мракомъ неизвѣстности.

¹⁾ Рус. Стар. 1902, IV 81.

²⁾ „Письма Пушкина“, изд. 1888, 101.

³⁾ „Русск. Стар.“ 1897, II, 276.

⁴⁾ Жуковскій, сочин. VI. 429.

⁵⁾ Тоже, 537.

⁶⁾ Смирнова, Записки, 90.

⁷⁾ Отчетъ, Импер. Публ. Библ. 1895, прилож., 41.

⁸⁾ Тихомировъ, Сочин. III 417.

⁹⁾ Рус. Стар. 1902, IV 149.

¹⁰⁾ Гротъ, Я. К., Переписка I 313, 317, II 351.

Въ 20-хъ годахъ, когда Жуковскій жилъ во дворцѣ, у него на лѣстницѣ толпились просители всякаго рода. Когда у него не хватало личныхъ средствъ, онъ привлекалъ къ пожертвованіямъ Царственныхъ Особъ и своихъ друзей. Во многомъ помогали ему Императрица Александра Ѳеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, кн. Вяземскій, гр. Вьельгорскіе, А. Тургеневъ. Послѣ смерти Жуковского оказалось, что онъ въ нѣмецкомъ страховомъ обществѣ застраховалъ свою жизнь въ пользу близкихъ и дорогихъ ему лицъ.

Въ заключеніе можно сказать, что Жуковскій оставилъ послѣ себя прекрасную память, какъ человѣкъ, писатель, педагогъ; выше всего стоялъ онъ, какъ человѣкъ, и всѣ прочія его достоинства были лишь отраженіемъ его прекраснаго добраго сердца.

Отрицаніе крѣпостничества.

Филантропическая дѣятельность Жуковскаго ярко выразилась въ отрицательномъ отношеніи къ крѣпостничеству и сильномъ стремленіи къ уврачеванію язвъ, имъ причиненныхъ.

Крѣпостничество было главнымъ общественнымъ зломъ въ первую половину прошлаго столѣтія. Осуждаемое лучшими, передовыми людьми общества, отлично понимавшими глубоко развращающее вліяніе соціальнаго рабства, проклинаемое закрѣпощенными массами, крѣпостничество, однако, строго охранялось, какъ основа существующаго соціального строя, и всякое противодѣйствіе или осужденіе инкриминировалось, какъ государственное преступленіе.

Жуковскій въ отношеніи къ крѣпостничеству шелъ въ рядъ съ лучшими людьми своего времени, какъ членами Арзамаса, А. С. Пушкинымъ, писателями декабристами. Правда, онъ не высказывался такъ рѣзко, какъ, «напр., Н. И. Тургеневъ, который сѣтовалъ что русскіе» не имѣютъ права говорить о ненавистномъ рабствѣ крестьянъ, не смѣютъ показывать всю его мерзость и незаконность»¹⁾. Жуковскій отрицалъ крѣпостничество и не мало потрудился для уврачеванія нѣкоторыхъ язвъ его, для спасенія его жертвъ. Въ 1822 г. онъ отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ; это стоило ему 2400 руб. «Дѣло лежитъ у меня на душѣ, и я виню себя очень, что давно его не кончилъ»²⁾. Вскорѣ онъ далъ свободу лично ему принадлежавшему семейству крѣпостныхъ, бѣлевскому Максиму съ дѣтьми. Онъ боялся проволочки времени, боялся, что его «несчастный Максимъ будетъ принужденъ влечь оковы эсклава». Въ другомъ письмѣ Жуковскій сердечно благодаритъ А. П. Елагину за исполненіе его порученій. «Очень радъ, писалъ онъ, что мои эсклавы получили волю». Въ томъ же письмѣ онъ жалуется, что въ переводѣ стихотворенія Шиллера «Три слова вѣры» не могъ провести черезъ цензуру стихъ:

¹⁾ Остафьевскій Арх. I 103.

²⁾ *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковскаго, 123.

Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und wäre er in Ketten geboren ¹⁾.

Однимъ изъ раннихъ литературныхъ обличеній крѣпостничества считается прозаическая статья Жуковского «Печальное происшествіе» 1809 г. Историкъ крестьянскаго вопроса В. И. Семевскій говоритъ, что тутъ Жуковскій «затрогиваетъ лишь одну, но довольно важную сторону быта крѣпостныхъ» ²⁾.

Въ статьѣ говорится о томъ, какъ крѣпостная дѣвушка, получившая хорошее образованіе, была продана нелюбимому ей человѣку. Статья напечатана въ видѣ письма къ издателю Вѣстника Европы, а въ концѣ ея находится слѣдующее добавленіе:

Издатель позволяетъ себѣ сдѣлать при этомъ случаѣ одно замѣчаніе насчетъ нѣкоторыхъ мнимыхъ благотвореній, весьма обыкновенныхъ въ свѣтѣ. Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ фаворитовъ. Что это значить? Они выбираютъ мальчика или дѣвочку изъ служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ не принадлежащими и оставляютъ ихъ въ прежней зависимости. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо—свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ знанія и талантъ? Для того ли, чтобы онъ яснѣе могъ почувствовать современемъ, что провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его и познанія должны угаснуть безслѣдно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокий эгоизмъ, или лучше сказать злодѣйство, украшенное блестящею личиною благотѣльности. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ, а что унижительно рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный и такъ, прежде чѣмъ рѣшиться открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожить всѣ ваши о немъ попеченія. Вы или укажите ему дорогу къ испорченности и разврату, или душа его—если она неспособна привязаться къ пороку—увянетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ. Примѣры безчисленны» ³⁾.

Жуковскій смѣло вскрываетъ самое больное мѣсто крѣпостничества—угнетеніе личности, пришедшей къ сознанію своихъ личныхъ человѣческихъ правъ. Какъ много было трагическихъ исторій на этой почвѣ по-

¹⁾ Зейдлицъ, 125.

²⁾ Семевскій, Рус. Стар. 1887, т. 56, 85.

³⁾ Жуковскій, Сочиненія, 1885, V, 320.

казываютъ старинные мемуары, записки и воспоминанія разныхъ лицъ, разсѣянные на страницахъ историческихъ журналовъ.

Въ Вѣстн. Европы 1809 г. въ статьѣ «Печальное происшествіе» Жуковскій, между прочимъ, въ видѣ иллюстраціи тяжелаго положенія крѣпостныхъ, получившихъ образованіе, говоритъ: «Я знаю одного живописца; онъ былъ крѣпостной человѣкъ добраго господина, получилъ хорошее образованіе, жилъ на волѣ и пользовался талантомъ своимъ, но еще не имѣлъ свободы. Что же? Господинъ его умеръ, и этотъ бѣднякъ достался другому, вѣроятно, не имѣющему особеннаго уваженія къ человѣчеству. Новый господинъ взялъ его въ домъ, и теперь этотъ человѣкъ, который принимаемъ былъ съ отличіемъ и въ лучшемъ обществѣ, потому что вмѣстѣ съ своимъ талантомъ имѣлъ и наружность весьма благородную, ѣздить въ ливреѣ за каретою, разлученъ съ женою, которая отдана въ приданое за дочерью господина его; я встрѣтился съ нимъ въ одной лавкѣ, и едва могъ узнать его въ новомъ нарядѣ, а еще болѣе по непріятному запаху вина, которое, вѣроятно, служить ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ горестной его участи»¹⁾.

Жуковскій самъ былъ художникомъ не только слова, но и кисти, занимался живописью, и эта субъектная черта еще болѣе усиливала его филантропическое отношеніе къ крѣпостнымъ художникамъ.

Въ сферѣ практической дѣятельности Жуковскій хлопоталъ объ освобожденіи поэта Сибирякова, архитектора Швецова, художника Шевченка и др.

Иванъ Сем. Сибиряковъ, крѣпостной человѣкъ одного рязанскаго помѣщика, обучался въ московскомъ народномъ училищѣ, съ дѣтства отличался любовью къ чтенію и къ театру. У помѣщика онъ исполнялъ роль кондитера и актера, въ 1812 поступилъ въ собственность другого помѣщика; съ новымъ бариномъ онъ побывалъ въ Германіи, выучился нѣмецкому языку и сталъ усердно сочинять стихи и подносить ихъ разнымъ сильнымъ и вліятельнымъ лицамъ. Слухи о печальной судьбѣ раба поэта распространились въ обществѣ. Въ 1818 г. Свиньинъ напечаталъ сочувственную о немъ статью «Природный русскій стихотворецъ». Въ судьбѣ Сибирякова горячее участіе приняли арзамасцы, особенно Жуковскій, кн. Вяземскій, братья Тургеневы и нѣкоторые другія лица. Путемъ пожертвованій собрана была огромная сумма 10,000 руб., и Сибиряковъ былъ выкупленъ и опредѣленъ на службу. Признательный Сибиряковъ выразилъ своимъ освободителямъ благодарность въ письмѣ къ Свиньину

¹⁾ Жуковскій, Собр. соч., 1885, V, 326.

отъ 20 окт. 1821 г. (напеч. въ Отеч. Зап.). Г. Саитовъ говорить, что «ни стихотворенія, ни призаическія статьи Сибирякова не представляютъ собою ничего замѣчательнаго. Въ своемъ литературномъ развитіи онъ не пошелъ далѣе неуклюжихъ опытовъ писателя самоучки, лишеннаго образованія и не обладавшаго талантомъ. Сочувствіе же, выраженное ему обществомъ, объясняется не симпатіями съ его сомнительнымъ дарованіемъ, но живымъ интересомъ къ крестьянскому вопросу вообще, волновавшему въ то время умы передовыхъ русскихъ людей»... ¹⁾.

Къ 1827 г. относятся хлопоты А. И. Тургенева и Жуковского за горемычнаго Швецова. Швецовъ, крѣпостной (*glebae adscriptus*—какъ писалъ А. Тургеневъ) Демидовскихъ заводовъ въ Сибири, посланъ былъ Демидовымъ за границу для изученія горнаго дѣла, получилъ хорошій аттестатъ въ парижскомъ горномъ училищѣ путешествовалъ по Италіи, Венгріи, Германіи и Франціи для изученія горнаго дѣла, писалъ стихи. Онъ просилъ Демидова дать ему отпускную и получилъ отказъ. Ему обѣщана была свобода лишь при условіи усердной службы на сибирскихъ заводахъ Демидова въ теченіе 10 лѣтъ. А. И. Тургеневъ возмущался, что судьба Швецова будетъ зависѣть отъ каприза заводскаго прикащика. Онъ надѣялся выхлопотать для него кое-какія льготы черезъ Жуковского, который былъ предувѣдомленъ о судьбѣ Швецова; но неизвѣстно, чѣмъ разшилась участь этого интеллигентнаго раба ²⁾.

Хлопотамъ Жуковского о Шевченкѣ мы посвящаемъ особую статью и потому здѣсь на нихъ не останавливаемся.

Жуковский, при случаѣ, удѣлялъ свое вниманіе къ простымъ крестьянамъ, и хлопоталъ объ ихъ освобожденіи, независимо отъ степени ихъ образованія.

Извѣстный академикъ, публицистъ и общественный дѣятель А. В. Никитенко сбросивъ съ себя цѣпи крѣпостнаго рабства въ 1824 г., рѣшился, по достиженіи общественнаго положенія и матеріальной обезпеченности, освободить свою мать и брата. Это было уже въ 1841 г. черезъ 17 лѣтъ. Онъ предложилъ выкупъ своему бывшему владѣльцу графу Ш., но послѣдній очень неохотно, подъ вліяніемъ многихъ ходатайствъ, отпустившій на волю самого Никитенко, не спѣшилъ сдѣлать тоже самое по отношенію его матери и брата. «Вся кровь кипятъ во мнѣ, писалъ по этому поводу Никитенко въ своемъ Дневникѣ. Полуумный вельможа имѣетъ право мнѣ отказать: это называется правомъ!... Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда изъ Москвы В. А. Жуковского. Можетъ быть

¹⁾ Саитовъ, Остафьевскій архивъ, I, 625. *Семевскій, В.*, Русск. Стар. 1887, т. 56, стр. 103.

²⁾ Русск. Арх. 1895, III, 39.

его вліяніе въ состояніи будетъ что-нибудь сдѣлать»... Но вотъ прїѣхалъ Жуковскій, и Никитенко поспѣшилъ къ нему. Вотъ что онъ записалъ по этому поводу въ Дневникѣ: «Жуковскій съ негодованіемъ слушалъ мой рассказъ о моихъ неудачныхъ попыткахъ и открыто выражалъ отвращеніе свое къ образу дѣйствій графа Ш. и къ обусловливающему ихъ порядку вещей. Василій Андреевичъ обѣщался пустить въ ходъ весь свой кредитъ. Я съ своей стороны не постую ни за какой суммой выкупа, если послѣдній потребуется, чего бы мнѣ ни стоило скопить ее»! Прошло три недѣли, и Никитенко съ чувствомъ душевнаго умиленія вноситъ въ свой Дневникъ замѣчаніе: «Дѣло о матери моей и братѣ кончилось такъ хорошо только благодаря вмѣшательству Жуковского. Да благословить его Богъ. Сегодня я былъ у него и благодарилъ его»¹⁾.

Въ дѣлѣ Никитенко характерно, что Жуковскій въ 1841 году «съ негодованіемъ» слушалъ рассказы о крѣпосничествѣ, «съ отвращеніемъ» относился къ его представителямъ. Замѣчательно, что онъ ходатайствуетъ, по просьбѣ Никитенки, за маленькихъ людей, ничѣмъ не выдававшихся изъ массы крѣпостнаго народа.

¹⁾ Никитенко, Дневникъ I, 413—415.

Заботы о декабристахъ.

Въ высокой степени гуманное отношеніе Жуковскаго къ декабристамъ и его настойчивыя хлопоты объ амнистіи ихъ давно уже стали достояніемъ печати и получили надлежащую оцѣнку. Въ частности особенно много матеріала собрано по самому сложному и хлопотливому дѣлу о Н. И. Тургеневѣ. Разныя статьи и замѣтки Жуковскаго по этому поводу нашли мѣста въ Рус. Архивѣ и Рус. Старинѣ. Н. Ф. Дубровинъ въ IV кн. Рус. Стар. 1902 г. помѣстилъ большое и обстоятельное изслѣдованіе объ отношеніяхъ В. А. Жуковскаго къ декабристамъ (стр. 45—119). Изслѣдованіе это, построенное большей частью на извѣстныхъ ранѣе матеріалахъ, а частью съ привлеченіемъ новыхъ, распадается на 5 главъ: 1) В. А. Жуковскій и семейство Якушкиныхъ, 2) В. А. Жуковскій и братья Тургеневы, 3) В. А. Жуковскій и В. К. Кюхельбекеръ, 4) В. А. Жуковскій и О. Н. Глинка и 5) В. А. Жуковскій и А. О. фонъ-деръ-Бриггенъ.

Не имѣя въ виду повторять или пересказывать общедоступное изслѣдованіе г. Дубровина, отмѣтимъ для цѣльности очерка филантропической дѣятельности Жуковскаго главныя проявленія его заботливости о декабристахъ и семьяхъ ихъ.

Жуковскій отнесся весьма сочувственно къ горю Настасьи Васильевны Якушкиной, урожд. Шереметевой, и горю ея матери Над. Ник. Шереметевой, во время постигшаго ихъ несчастія, ссылки Ив. Дм. Якушкина за участіе въ событіи 14 декабря 1825 г. Первое прошеніе Шереметевой о разрѣшеніи ея дочери отправиться къ мужу Жуковскій собственноручно переписалъ для представленія Государю и исправилъ недостатки подлинника. Впослѣдствіи онъ не разъ извѣщалъ Шереметеву объ оборотѣ, которое принимало дѣло, хотя и не соглашался признать справедливымъ желаніе ея дочери раздѣлить ссылку мужа. Основываясь на самоотверженномъ запрещеніи самого пострадавшаго декабриста, откладывавшаго эту поѣзку ради будущности дѣтей, Жуковскій убѣждалъ молодую женщину отказаться отъ личнаго счастья, и, пожертвовавъ любовью къ мужу, посвятить себя исключительно дѣтямъ и сдѣлать для нихъ по-

возможности незамѣтною потерю отца. «Дѣтьми пожертвовать она не имѣетъ права, утверждалъ Жуковскій, и пожертвованіе не облегчить участи отца, а только обременить его новымъ бѣдствіемъ». Какъ впоследствии смотрѣлъ Жуковскій на почтенную личность Шереметевой, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «повѣрьте мнѣ, что люблю васъ всѣмъ сердцемъ своимъ за васъ самихъ и за ваше несчастье, которое вы умѣете сдѣлать высокимъ добромъ для вашей жизни» ¹⁾).

Совѣты Жуковского не могли пересилить чувства любящей женщины. Н. В. Якушкина собралась было въ путь въ 1832 г.: но свыше послѣдовало прямое запрещеніе, съ указаніемъ, что она «для дѣтей должна пожертвовать желаніемъ видѣться съ мужемъ» ²⁾).

Въ 1837 г., провожая Наслѣдника Цесаревича въ его путешествіи по Сибири, Жуковскій посѣтилъ Ялотуровскъ и Курганъ. Въ Ялотуровскѣ находились тогда декабристы Муравьевъ-Апостолъ, Черкасовъ и Якушкинъ. Онъ, поспѣвая за Цесаревичемъ, не повидался съ ссыльными декабристами и вскорѣ писалъ по этому поводу Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ: «я горько упрекалъ себя, что тамъ на минуту не остановился; я пропустилъ случай утѣшить своимъ посѣщеніемъ бѣдныхъ изгнанниковъ, и этотъ случай уже никогда не возвратится». Далѣе Жуковскій говоритъ, что Черкасова погубила молодость, что у Якушкина «прежнее невѣріе обратилось въ глубокую вѣру» и, съ очевиднымъ расчетомъ на доброе сердце Императрицы, добавляетъ: «такіе люди достойны того, чтобы милосердіе подало имъ руку и подняло ихъ изъ той пропасти, въ которую они впали въ минуту заблужденія, ослѣпившаго умъ, но не развратившаго сердце».

Въ Курганѣ Жуковскій видѣлся съ Нарышкиной, которая глубоко тронула его своею «тихостью и благородной простотой въ несчастіи».

Въ Курганѣ Жуковскій познакомился съ Розеномъ, который вывихнулъ ногу и ходилъ на костыляхъ. Онъ могъ бы легко вылѣчить ея, но въ Курганѣ не было для того средства. «Надобно бы было отпра- виться хотя въ Тобольскъ», добавляетъ Жуковскій.

Тамъ же я еще видѣлъ, пишетъ далѣе Жуковскій, Бриггена, Назимова и Лорера. Особенно поразила меня во всѣхъ ихъ смиренная покорность судьбѣ своей и въ то же время признаніе вины своей и той кротости (?), какая имъ была оказана во всѣ эпохи изгнанія. Ни одного изъ встрѣченныхъ мною въ Курганѣ я не зналъ прежде; но свиданіе со мною было имъ отрадою, правда, минутною. И простясь съ ними, я живо

¹⁾ Шенрокъ, въ Рус. Стар. 1892, т. 76, стр. 150.

²⁾ Дубровинъ, въ Рус. Стар. 1902, IV 47.

почувствовалъ, что такое изгнаніе. Мы исчезли для нихъ, какъ тѣни. На одинъ мигъ явилась передъ ними Россія, и родные, и погибшее прошлое, и осталось отъ всего безнадежное будущее»¹⁾).

Все это письмо Жуковского къ Императрицѣ проникнуто чувствомъ глубокой человѣчности, самаго чистаго и нѣжнаго состраданія. Онъ еще не смѣетъ прямо просить за всѣхъ декабристовъ; но для cadaго онъ находитъ доброе слово прощенія, извиненія, и отъ cadaго его слова вѣетъ духомъ примиренія и прощенія; изъ каждой строки сквозитъ скрытая просьба о помилованіи.

Въ 1837 г. Жуковскій предпринималъ разные ходы съ цѣлью добиться облегченія участи декабристовъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ письмѣ къ отцу своему изъ Сибири говоритъ: «мнѣ было бы чрезвычайно пріятно, чтобы пріѣздъ мой принесть этимъ несчастнымъ облегченіе въ ихъ судьбѣ... Отмѣтивъ далѣе нужды нѣкоторыхъ декабристовъ, обращающихся съ просьбами къ Жуковскому, Цесаревичъ добавилъ: осмѣливаюсь и я хлопотать за сихъ несчастныхъ».

Вскорѣ, въ іюнѣ 1837 г., Жуковскій²⁾ изъ Златоуста обратился къ Императору съ личной просьбой объ амнистіи декабристовъ. «Государь, даруйте всепрощеніе, несчастнымъ осужденнымъ, но и достойно наказаннымъ по заговору 1825 г. Пускай этотъ актъ, въ которомъ выразится самодержавіе во всей свойственной ему красотѣ и силѣ, ознаменуетъ первое посѣщеніе Сибири сыномъ царскимъ».

Письма сына — наслѣдника и Жуковского не остались безрезультатными. Участь нѣкоторыхъ ссыльныхъ была отчасти смягчена, но далеко не въ той степени, какъ желали того Жуковскій и Великій Князь.

Радости Жуковского не было предѣловъ. «Посреди дороги, писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, подъ открытымъ небомъ, мы трое, Великій Князь, Кавелинъ и я (по полученіи извѣстія) обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ. Мы трое, не сговариваясь, сдѣлали и съ однимъ чувствомъ обратились къ государю»³⁾).

Въ 1839 г. Жуковскій писалъ Наслѣднику Цесаревичу: «Въ Бородинѣ дрался Коновницынъ, а Коновницынъ былъ честью русскаго войска. Дочь его (Елиз. Петр., жена декабриста Мих. Мих. Нарышкина) въ молодости лѣтъ выпила всю чашу горести за чужую вину; эта дочь умоляетъ великодушнаго государя взглянуть съ благоволеніемъ на преступнаго мужа ея, который не жалѣлъ жизни въ сраженіи, чтобъ за-

1) Жуковскій, Сочиненія, изд. 1885, VI, 305.

2) Русск. Стар. 1902 IV. 99.

3) Русск. Стар. 1902, IV 105.

гладить вину свою и заслужить ту милость, которая уже была ему оказана по просьбѣ наслѣдника престола. Нарышкинъ представленъ за храбрость въ офицеры; быть можетъ, и рано еще получить эту награду, но день Бородинскій, день Бородинскій громко вопіетъ къ царю: памяни милосердіемъ храбраго Коновнипына» ¹⁾.

Въ томъ же письмѣ Жуковскій ходатайствуетъ за старуху Е. О. Муравьеву. Оба сына ея (Никита и Александръ Михайловичи) попали въ каторгу. Выручить ихъ не было надежды, у старшаго сына умерла жена и на рукахъ осталась больная дочь дѣвочка. «Только перемѣна сурового климата на болѣе теплый можетъ спасти бѣдную жизнь младенца». Преступленіе наказано изгнаніемъ, смертью жены, и Жуковскій не допускаетъ возможности третьяго еще наказанія—смерти ребенка. Онъ надѣется, что государь, нѣжный отецъ своихъ дѣтей на тронѣ, войдетъ въ чувства отца, который все же отецъ, хотя и колодникъ». По разнымъ ходатайствамъ Муравьева получила внучку (Соф. Никит. Муравьева, впоследствии супруга М. Л. Бибикова) ²⁾.

Въ маѣ 1846 г. Жуковскій, по случаю одного радостнаго событія въ Царской Семѣ, писалъ къ Наслѣднику Цесаревичу изъ Франкфурта на Майнѣ. «Въ Семѣ Царской радость и праздникъ. Народъ русскій радуется и празднуетъ. Пускай же къ радости и празднику присоединится утѣшеніе горя и прощеніе вины. Если бы въ эту минуту я находился близъ государя и если бы имѣлъ право выразить передъ нимъ свою душу, я бы свободно сказалъ ему: «Государь, дайте волю вашей благости; она есть высочайшая привиллегія самодержавія: помилуйте изгнанниковъ. Двадцать лѣтъ изгнанія удовлетворяютъ всякому правосудію, а между ними уже много такихъ, которые, перетерпѣвъ заслуженное наказаніе, заслуживаютъ теперь не гнѣвъ, а уваженіе. Вотъ что бы я сказалъ нашему великодушному царю, указавъ на страницу евангелія, гдѣ стоитъ слово Спасителя: *«Блаженни милостивіи, яко тѣмъ помилованы будутъ»*... Богъ слышитъ и исполняетъ наши молитвы, когда мы сами слышимъ слова умоляющихъ. Если же я не могу говорить прямо царю, то говорю прямо къ его наслѣднику. Если не можетъ быть дано всепрощенія, то пускай хотя нѣкоторые ничувствуютъ на себѣ благодать царскаго семейнаго счастья. Я вспомнилъ теперь особенно о двухъ. Одного я видѣлъ въ Курганѣ, другого хотѣлъ видѣть въ Ялоторовскѣ, но это не удалось мнѣ. Первый есть Бриггенъ; онъ истинно достоинъ уваженія по тому смиренію, съ какимъ переноситъ свою участь.

¹⁾ Жуковскій, Сочиненія, VI, 402.

²⁾ Жуковскій, Сочиненіе VI, 403.

Я получилъ отъ него переводъ «Кесаревыхъ Записокъ», весьма замѣчательный. Другой Якушкинъ... Я читалъ многія письма, писанныя имъ къ женѣ и къ дѣтямъ. Увѣряю васъ, что я ничего трогательнѣе не читалъ: ни слова ропотнаго, удивительная ясность и твердость, мужское христіанское смиреніе... Признавъ себя виновнымъ, онъ не считалъ себя вправѣ умолять о помилованіи; но благодѣтельница царская сама должна найти его... Повѣряю Вашему Высочеству эти строки; я и въ мысляхъ не имѣлъ писать ихъ; онѣ вдругъ, неожиданно слились съ пера моего. Скажу вамъ, что Бриггена я видѣлъ только одинъ разъ въ жизни, въ Курганѣ, Якушкина же я зналъ ребенкомъ, когда онъ еще былъ въ пансіонѣ: послѣ съ нимъ я никогда не встрѣчался; слѣдовательно говорю объ обоихъ безъ личнаго пристрастія» ¹⁾.

Изъ отдѣльныхъ декабристовъ, наибольшей поддержкой Жуковского пользовались Н. И. Тургеневъ, В. К. Кюхельбекеръ, О. Н. Глинка и А. О. Фонъ-деръ-Бриггенъ. Такъ какъ всѣ они входятъ въ кругъ писателей, то имъ отведены на послѣдующихъ страницахъ отдѣльныя небольшія статьи, по включенію ихъ въ многосложный отдѣлъ литературныхъ связей Жуковского и его добрыхъ дѣлъ въ собственно литературной сферѣ.